

Татьяна В. Радзиевская (Киев)

Об одной тенденции развития синтаксиса художественной прозы: парентетический компонент в тексте «Дара» Вл. Набокова

✦ Ключные речи:
*парентетическая
 конструкция,
 синтаксическая стилистика,
 Вл. Набоков, роман «Дар»,
 референциальная функция.*

У раду се сагледава један од аспеката синтаксичке стилистике текста Набоковљевог романа „Дар“, који се односи на употребу парентезе. Увођење парентетичке компоненте разматра се као стилистички поступак који је условљен естетичким традицијама руског формализма.

1. Инновационность текстов В. В. Набокова общепризнанна. Охватывая различные уровни языка и текста, его лексическую и синтаксическую семантику, фонетику, синтаксис, коммуникативно-прагматические аспекты повествования, она соотносится с идеей сочетания в различных ее воплощениях (соединение в одном, комбинирование, наложение, соположение, инкорпорирование и т.п.), приводящих к семантическим приращениям. Так, прагматика авторского повествования особенно сложна, прихотлива, часто основана, если воспользоваться выражением Е. В. Падучевой, на эксперименте с повествовательной нормой (Падучева 1996), включает наложения

нарративных форм и контрапункт точек зрения. В сфере семантики набоковским текстам также присущи разнообразные смысловые наложения в виде семантических ярусов; это касается, в частности, феномена анаграммирования, при исследовании которого М. А. Дмитриевская высказала мысль о выработке писателем мультимедийного содержательного кода, который сложился у него в начале творческого пути и стал основой творческого метода (Дмитриевская 2008: 264–265).

Не менее интересны и синтаксические особенности авторской прозы, в частности синтаксис предложения, к которому в наибольшей степени относится мнение о раскованности набоковской стилисти-

ки. Отмеченные Ю. И. Левиным свобода переходов, монтаж как конструктивный прием, врезки, семантическая немотивированность в повествовании, где «в принципе любая форма повествования может в любом месте смениться любой другой» (Левин 1998: 296) – это те общие характеристики способа повествования, которые могут быть приложимы в своем основном объеме и к синтаксису предложения. Ниже мы рассмотрим некоторые стилистические особенности синтаксических построений у Набокова на материале его романа «Дар» – «эпилога русского модернизма». Отражая авторский идиостиль, они вместе с тем представляют одну из общих тенденций в развитии синтаксиса, связанных с усложнением синтаксической структуры, которая приспособляется к компактной передаче смыслов.

Одним из первых, кто обратил внимание на семантическую плотность текста «Дара», его «огромную насыщенность, образную и стилистическую», был Владислав Ходасевич. В своих критических публикациях 1937 г. он с проницательностью охарактеризовал авторскую технику семантико-синтаксического построения фразы: «Щедрый вообще, в «Даре» Сирин как бы решил проявить совершенную расточительность. Иногда в одну фразу он вкладывает столько разнообразного материала, сколько другому, более экономному или менее одаренному писателю хватило бы на целый рассказ» (Классик... 2000: 153). На стилистические особенности романа, делающие его столь непохожим на другие тексты, обратил внимание и Ю. И. Левин: «Многим поражает *Дар* уже с первых страниц даже и искусственно-

го читателя: свободой и изощренностью в использовании категории лица и времени; обилием и разнообразием вложенных текстов, в большинстве принадлежащих перу главного героя; необычной образной яркостью, доходящей до *trompe-l'oeil*» (Левин 1998: 287).

Действительно, в тексте романа немало фрагментов, являющихся по существу субтекстами, вложенными текстами, которые представлены как на всем повествовательном пространстве романа, так и «в пространстве» отдельного предложения. В последнем случае подобные синтаксические компоненты часто оформляются с использованием графемы «скобки», вследствие чего получают статус вводного (а точнее, вставного) компонента. Именно такие предложения, включающие «скобочную конструкцию», и будут объектом нашего внимания, напр.:

Святая ненаблюдательность
(а отсюда – полная
неосведомленность об
окружающем мире – и
полная неспособность что-
либо именовать) – свойство,
почему-то довольно часто
встречающееся у русского
литератора-средняка,
словно тут действует
некий благотворный рок,
отказывающий бесталанному
в благодати чувственного
познания, дабы он зря не
изгадил материала (с.404)*.

Чтобы избежать терминологической неоднозначности, для обозначения «скобочной синтагмы» мы в дальнейшем бу-

*) Фрагменты текста романа мы приводим с указанием страницы по изданию: Набоков В. *Дар*. Роман. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – 480с.

дем употреблять термин «парентетическая конструкция» (ПК), относительно же основной части предложения – «основная конструкция» (ОК).

2. Обилие парентетических конструкций в «Даре», как и некоторые другие особенности синтаксиса Набокова, были сразу замечены критиками и даже стали предметом нападок «недружественных» рецензентов (как известно, текст романа публиковался частями в эмигрантских журналах с мая 1937 г. по ноябрь 1938г). Симптоматична реакция одного из них – Петра Пильского, который писал: «Враждуя с обычным стремлением писателей к ясности и легкости фраз, Сирин затягивает периоды, удлиняет фразы, забывает их иностранными словами, отягощает смысл, дробит и мельчит внимание подробностями, частностями, многочисленными вводными предложениями, и смысл их надо разыскивать в запертой тьме скобок» (Классик... 2000: 152).

Таким образом, многочисленные парентетические компоненты, «вставки» были сразу квалифицированы как репрезентативная характеристика набоковского стиля, способа представления и создания художественной реальности. Добавим, что сам факт фокусирования внимания на парентетических вставках со стороны критики может свидетельствовать о том, что эта особенность синтаксических построений «бросалась в глаза», даже эпатировала, воспринималась как маркированная, далекая от нейтральности и, возможно, несущая элемент новизны. Возникновение этой особенности синтаксической стилистики Набокова, по-видимому, естественно соотносится с формированием в период 1933–1934 г. его собственной технологии написания прозы на отдельных носителях

информации – каталожных карточках, технологии, которой он придерживался всю последующую жизнь и которая в значительной степени отдаляла набоковский способ текстообразования от традиционной текстообразующей техники, в основе которой лежит линейный принцип развития текста; о перемене в писательской технике Набокова в 1933–1934 гг. см., в частности (Апресян 1995: 671).

О том, что знаки препинания, в том числе графема «скобки», были весьма значимы для Набокова и занимали определенное место в его языковом сознании, свидетельствуют фрагменты его собственных произведений. Ср.:

Усаживая тон свой еще уютнее:
«Ну, что у вас слышно?»
Слушала, что слышно, мигая;
как бы в *скобках* подтолкнула
коробку с зеленым мармеладом
по направлению к Федору
Константиновичу; затем носки
ее маленьких ног в потертых
бархатных башмачках начали
легонько тереться друг о друга;
перестали (с.182).

Номинация *в скобках* здесь передает значение второстепенности действия одного из персонажей романа Александры Яковлевны, которое сопутствует ее основной деятельности в описываемый момент – ведению беседы с молодым писателем Федором Константиновичем, главным героем романа и в целом показывая актуализированность графического кода в авторском сознании, демонстрирует стандарт семантики.

3. Как известно, в русской орфографической и пунктуационной традиции для выделения парентетиче-

ских элементов (слов, словосочетаний и предложений) используется три вида парных графем – «запятые», «тире» и «скобки», допустимы также комбинации графем «запятая» и «тире». Эти графемы как знаки особого типа различаются по своей семантике, выражающей большую или меньшую степень связи с основной сентенциональной структурой. Значение наименьшей степени связанности с ней (или, соответственно, наибольшей дистантности от нее) несет графема «скобки». В аспекте порождения речи ее роль была очерчена Л. В. Щербой, который отмечал, что скобки «обозначают, что мысль, в них приведенная, совершенно выпадает из общего хода речи...» (Щерба 1974: 245). Иными словами, графема «парные скобки» в стандартном случае, о котором писал Л. В. Щерба, выступает в качестве маркера отклонения от «общего хода речи», она вносит смысл особой отделенности скобочной синтагмы от основной части предложения и может квалифицироваться как маркер отхода от темы, маркер отступления (*Pons Borderia*, Estellés Arguedas 2009). Применительно же к тексту Набокова необходимо сказать, что «скобочный компонент» практически никогда не является у него ни отступлением от темы, ни чем-то второстепенным или несущественным. Напротив, он передает какую-то важную информацию, однако благодаря своему «скобочному оформлению» вводит перебив, своеобразную синкопу в гладко развивающийся текст. В силу этого семантика высказывания в целом и его синтаксическое оформление приобретают черты выраженной асимметричности. Наиболее ярко это соотношение представляют фрагменты в тексте «Дара», где в качестве парентетического компонента выступает синтагма, которая не имеет

значения вводности и не относится по орфографическим и пунктуационным нормам к числу парентетических. Это в первую очередь касается придаточных предложений или других конструктивных компонентов синтаксической структуры, которые завершают предложение:

Неправильно было бы сказать, что эта страсть заполняла ее всю; нет, она еще далеко перелетала через душевный предел Александры Яковлевны, едва ли не облагораживая даже белиберду этих двух меблированных комнат, в которые она с мужем после несчастья переехала из большой старой берлинской квартиры (*где еще до войны жила ее брат с семьей*) (48). Мне совсем не хотелось писать об великом шестидесятнике, а еще того меньше о Яше, как со своей стороны настойчиво советовала мне Александра Яковлевна (*так что в общем получался заказ на всю историю их рода*) (53). ... установила передо мной поперек живого одеяла постельный столик на карликовых ножках (*с извечно липким уездом у юго-западного угла*) (31–32).

Это также и другие синтаксические фрагменты предложения (придаточные места, времени и др., причастные, деепричастные обороты), которые содержат компоненты, сигнализирующие о грамматической связи с предыдущей синтагмой внутри одной сентенциональной единицы, т.е. сигнализирующие о наличии интрасентенциональной грамматической связности компонентов:

Вовсе лишенный способности запоминать слова (*и любящий говорить об этом не как о недостатке, а как об интересном свойстве своей натуры*), он не только не делал никаких успехов, но даже успел за год учения позабыть.... (105). Этой остроумной системе (*приятно доказывавшей некий чисто немецкий порок в планировке трамвайных линий*) Федор Константинович следовал охотно... (108). Старый, в елочном стиле, деревянный дом, выкрашенный в бледно-зеленый цвет, с зелеными же водосточными трубами, с узорными вырезами под крышей и высоким каменным основанием (*где в серой замазке мерещились словно круглые, розовые крупы замурованных коней*), большой, крепкий и необыкновенно выразительный дом... (109).

Подобные фрагменты, в которых вводность не мотивируется ни семантически, ни, что особенно важно, грамматически, обнажают прием дополнительной оппозитивности, «изобретенный» Набоковым и используемый им весьма широко и разнообразно.

Заключение в скобки определенной части предложения служит маркером того, что ПК и ОК имеют различный статус в семантико-синтаксической структуре предложения и между ними – как двумя подсистемами одной системы – формируется некое дополнительное отношение. В приведенных выше фрагментах лишь скобки служат средством выражения реляционного значения, на-

слаивающегося на другие значения, в то время как в других случаях для экспликации отношения используются также лексические средства:

Там каштановое деревцо,
подпертое колом (*ибо, как младенец не умеет ходить, оно еще не умело расти без помощи*),
вдруг выступило с цветком
больше него самого (77).

297

В большинстве же случаев отношение между ПК и ОК не имеет эксплицитного характера и должно быть «выведено» самим читателем в процессе рецепции текста. Кроме того, в плане рецепции оппозитивность, вносимая ПК, снимает монотонность повествования, ломает определенные читательские ожидания, привносит неожиданное в поступательное движение нарратива. Таким образом, создаваемое ПК и ОК двукомпонентное синтаксическое образование становится генератором оппозитивного смыслового отношения, создающего контраст между двумя синтаксическими компонентами целого – парентетической и основной конструкциями. В художественном тексте подобные предложения становятся источником дополнительного смыслообразования и формируют дополнительное семантическое измерение, наслаивающееся в процессе рецепции на другие семантические пласты.

Регулярность использования скобочной конструкции в «Даре» сочетается с огромным синтаксическим варьированием. В тексте романа в качестве ПК представлены как автономные, полные по составу предложения, так и целостные структурные компоненты предложения (придаточные, деепричастные и причастные обороты), как развернутые

номинативные, обстоятельственные и др. конструкции, так и относительно краткие, сведенные к сочетаниям из нескольких слов компоненты:

298

...звуковая формула, являющаяся, кстати сказать, настоящим бедствием в рассуждении русской (да и французской) поэзии... (194). ...видел его венец в искусстве условном, прилизанном (т.е. в антиискусстве), с которым и воевал – поражая пустоту (305).

В них отношение контраста обусловлено выведением части синтаксического целого за пределы его основной структуры, дроблением предложения, выделением в нем центра и периферии.

Интрасентенциональное отношение контраста в тексте романа поддерживается также использованием различных дискурсивных и грамматических параметров ПК и ОК, напр., одновременных глагольных словоформ, сопологающих различные временные планы событий, сочетанием нейтрально-повествовательной дискурсивной формы и экспрессивной или же вопросительной, напр.:

...ничего общего не имеющий с русской словесностью, которую они, в прочем, знали досконально (о, эти Яшины тетради, полные ритмических ходов – треугольников да трапеций!), – они в будущем отклонялись от литературы... (50). Только кое-где среди стертых букв еще сохранились рифмы, богатенькие вперемешку с нищими: поцелуя–тоскуя, лип–

скрип, аллея–алея (листья или закат?) (189) и мн. др.

Однако здесь мы ограничимся теми случаями использования парентетического компонента как особой стилистической техники, которые связаны с реализацией референциальной функции предложения.

4. В формировании оппозитивности ОК и ПК определенную роль играет фактор соотносительности этих частей предложения с референтной ситуацией. В одном классе случаев ОК и ПК соотносятся с одной референтной ситуацией, в другом классе случаев – с разными референтными ситуациями.

4.1. Когда ОК и ПК представляют одну референтную ситуацию, чаще всего реализуется инвариантная оппозиция «общее – частное», конкретизирующаяся в своих вариантах, обусловленных вторым из членов оппозиции. Если ОК дает некоторое общее представление о референтной ситуации, то ПК предоставляет дополнительную информацию более частного характера: оно принимает вид дополнения, уточнения, пояснения, конкретизации и т.п.

Такое осмысление отношения связано по преимуществу с самим фактом внедрения ПК в основную часть предложения, благодаря чему она трактуется как несущая дополнительную или второстепенную информацию, например,

...он напоминал его не чертами лица, которые сейчас было трудно рассмотреть, но тональностью всего облика – серовато-русый оттенком круглой головы, которая

была коротко острижена
(что по правилам поздней
петербургской романтики
шло поэту лучше, чем лохмы),
прозрачностью больших,
нежных, слегка оттопыренных
ушей, тонкостью шеи с тенью
выемки у затылка (44).

Важно отметить, что закрывая определенную информационную лауну в повествовании, ПК практически никогда не мотивируется семантико-синтаксической структурой ОК, опущением в нем определенного актанта предиката, отсутствие которого может порождать вопрос. Поэтому, дополняя, такая ПК вносит элемент неожиданного. Ср.

Добродушно принимая стихи
Федора Константиновича,
Васильев помещал их не
потому, что они ему нравились
(он обыкновенно даже их
не прочитывал), а потому,
что ему было решительно
все равно, чем украшается
неполитическая часть «Газеты»
(81). Бывали дни, когда Федору
казалось, что внезапно на
улице (есть в Берлине такие
тупички, где в сумерки душа
как бы расплывается) к нему
подойдет, в сказочных отряпях
нищий старик лет семидесяти,
обросший до глаз бородой...
(112). «Может еще застанешь»
– и уплывала, совершенно не
поняв, что попадись мне такое
сказочное насекомое (даже не
стоило гадать, какую садовую
банальность так украсило ее
воображение), то я бы умер от
разрыва сердца (139).

Широко представлены в тексте варианты соединения ОК и ПК, в которых генерируются смыслы пояснения и уточнения:

Причиной его гнева мог быть
чей-нибудь промах, просчет
управляющего (отец хорошо
разбирался в хозяйстве),
легкомысленное суждение
о близком ему человеке,
политическая пошлость в
базарно-патриотическом духе,
развиваемая незадачливым
гостем, и наконец – какой-
нибудь мой проступок (147).
Отложив на утро трудную
переправу (через бурную реку
переброшен ветхий мост с
каменными плитами поверх
хвороста, а на той стороне
подъем крутенок, а главное –
гладок, как стекло), караван
расположился на ночлег (153).
Жаксыбай, пожилой киргиз,
коренастый, толстолицый,
со сложными морщинами
у глаз, спасший в 92-м году
Константину Кирилловичу
жизнь (застрелил навалившуюся
на него медведицу) и живший
теперь на покое, больной грыжей,
в лешинском доме, надел свой
синий бешмет с карманами в
виде полумесяцев... (164).

В любом случае подаваемая в ПК информация углубляет или расширяет картину референтной ситуации, создает ее более глубокую «прорисовку», придает ей объемность. Это относится в первую очередь и к ПК детализирующего и конкретизирующего типа. Скобочная конструкция здесь называет частную деталь

компонента описываемой референтной ситуации. Достаточно часто это деталь случайная, «непрофильная», такая, на которую обычно не обращают внимание:

Ученые книги (со штемпелем берлинской библиотеки всегда на девяносто девятой странице), знакомые тома «Путешествия натуралиста» в незнакомых черно-зеленых обложках лежали рядом со старыми русскими журналами... (126). Около окна (за которым был такой же высокий, многоконтурный дом, с ремонтом, шедшим так высоко в небо, что казалось, можно было заодно починить серую, с рваным отверстием, тучу) стояла ваза с полутора апельсинами и аппетитная крыночка болгаркой простокваши... (80). Отыскав свой подъезд (видоизмененный темнотой), он достал ключи (70).

Детализирующие ПК могут касаться и явлений природы, изменчивой погоды и отражают ситуативные динамические черты объекта:

...они запаслись ставшим уже совсем толстым и самостоятельным револьвером и легкую дырявую погоду (с влажным загадочным ветром и фиолетовой ржавчиной анютиных глазок во всех скверах) отправились на пятьдесят седьмом номере трамвая в Груневальд... (60); эмоций: ...он мгновенно сосредоточил на нем всю свою грешную ненависть (к жалкой, бедной, вымирающей нации) и

отчетливо знал, за что ненавидит его... (104).

Возможны детализации с указанием на компоненты описываемого объекта, напр.: *Их вечерние встречи выжили из берегов первоначальной улицы (фонарь, липа, забор) еще весной, а теперь...* (с.419), где информация про наполняемость уличного пространства передается скобочной конструкцией. См. также:

Когда я по утрам приходил в этот лесной мир, образ которого я собственными средствами как бы приподнял над уровнем тех нехитрых воскресных впечатлений (бумажная дрянь, толпа пикникующих), из которых состояло для берлинцев понятие «Груневальд»... (427).

Подобные детализирующие ПК далеко не единственные проявления многократно отмечавшейся критиками и литературоведами любви Набокова к детализированному изображению объекта – черты его творческого метода, ставшей объектом пародий (Классик... 2000). Варьирование параметра существенности/несущественности детали относительно предмета изображения (ср. детективное повествование) сочетается в тексте с его варьированием относительно самого текстообразования, т.е. на стыке семантики и прагматики. В ПК часто приводятся некие существенные данные о лице, явлении, предмете, которые сами по себе не являются существенными для хода повествования:

...нашел очаровательный ляпсус, сделанный компиляторшей (некой госпожой Лялиной),

которая, невинно обрабатывая Пржевальского для среднеучебных заведений, приняла, видимо, солдатскую прямоту слога в одном из его писем за орнитологическую деталь... (138). ...я почему-то особенно ясно запомнил фигуру этого генерала (Х. В. Барановского – в нем было что-то пасхальное), низко согнувшего толстую спину, одну руку за нее заложившего, рядом с фигурой отца... (139). ...прибежал с вестью, что из-за ближней излучины, с моста, послышался топот (быстрая деревянная дробь копыт, сразу осекавшаяся) – залог того, что сейчас промчится коляска мягкой дорогой вдоль парка (164). ...но этими маленькими удовольствиями (к тому же лучше представленными в других специальных отраслях спорта, как то: охота на тигра, игра в крестики, профессиональный бокс) ничуть не искупался оттенок мрачного идиотизма, присущий всякой войне (165).

Все эти случаи демонстрируют широкий диапазон варьирования в использовании ОК и ПК, в чем прослеживается тенденция к созданию их эксклюзивных комбинаций, неистощимая изобретательность в генерировании новых смыслов.

Еще одним аспектом использования ПК, представляющего определенную деталь референтной ситуации служит апелляция к личному опыту читателя, прагматически мотивированное словоупотребление. В этом случае семантика ПК соотносится с определенным узнаваемым

стереотипом, узнаванием стандартной ситуации и ее атрибутов: ...*боком, по-ниже, полулежа и опираясь головой на колени круглолицей барышни (бантики, бархатка), учившей Таню музыке, – брат отца, толстый военный врач, балагур и красавец* (110), где ПК, которую можно перефразировать как «...барышни – вы хорошо знаете таких, видели их не раз, они обычно носят бантики, бархатки, учат детей музыке», передает семантику типичности, стереотипности внешнего облика и поведения человека. См. также: *У фрау Стобой нашлась свободная комната, и там, в первый же вечер (раскрытый несессер, снятые кольца на мраморе умывальника), лежа на диване и быстро-быстро поедая изюм...* (111), где в силу парентетического способа подачи информации вся синтаксическая структура приобретает определенную прагматическую значимость и выступает в качестве оператора интимизации, усиливая «градус» субъектно-адресатных отношений, т.е. действуя одновременно как оператор контакта. В этом случае к признаку «частное (конкретное)» добавляется и «знакомое на основе собственного опыта», а ПК выступает знаком стереотипной ситуации.

Детализирующая линия в текстообразовании представлена также такими сочетаниями ОК и ПК, в которых скобочный компонент воспроизводит определенное речевое событие – часть референтной ситуации, описываемой в ОК. Таким событием чаще всего выступает определенная реплика протагониста ситуации, от лица которой ведется повествование, ее участников (ее, например, слышит главный герой), определенных речевых «обрывков», высказываний, узнаваемых читателем клише, которые также входят составной частью в описы-

ваемые ситуацию или событие. Приведем ряд иллюстраций. В описание характера одного из персонажей включается сказанная им реплика с комментарием повествователя от 1-го лица:

... его ощущение Германии; его безвкусовые тревоги («неделю был как в чаду», потому что прочитал Шпенглера); наконец, его стихи... (50).

302

Здесь ВК выступает фрагментом референтной ситуации, описываемой ОК. В описание процедуры одевания ребенка вклинивается реплика, которую говорят каждому, когда застегивают воротник пальто или завязывают поверх шубки кашне:

... как незабвенна музыка шелковой тугости при завязывании (*подними подбородок*) ленточек шапочных наушников... (26).

Это также определенные реплики участников ситуации:

... да и преподаватель попался неопытный, совершенно терявшийся, когда бедному фабриканту требовалась точная справка (*как по-французски «ровница»?*), от которой, впрочем, спрашивающий тотчас из деликатности отказывался... (106).

В тексте «Дара» в виде ВК оформляется внутренняя речь героя, действия которого описываются в ОК, что создает эффект прорисовки ситуации в един-

стве внешнего (видимого) и внутреннего (психологического):

Когда же Федор Константинович вышел на улицу, его обдало (*хорошо, что надел*) влажным холодком... (38).

Ср. также следующий фрагмент, где в контексте описания ситуаций и картин, возникающих перед внутренним взором Федора Константиновича при рассмотрении фотографий, в виде ВК подается реплика из его внутренней речи:

Кто снимал, забылось, но эта мгновенная, блеклая, негодная даже для переснятия и в общем незначительная (*сколько было других, лучших*) фотография одна чудом сбереглась и стала бесценной... (110).

В качестве изображения компонентов референтных ситуаций, наблюдаемых героем или всплывающих в его памяти, выступают речевые произведения разных жанров и различного происхождения. Одну из них иллюстрирует приводимая в виде ПК цитата из рекламы, которую видит герой, идущий по улице:

Эти именно дети ныне выросли, и я часто встречаю их на рекламках: он, с блеском на маслянисто-загорелых щеках, сладострастно затягивается папиросой или держит в богатырской руке, плотоядно осклабясь, бутерброд с чем-то красным («ешьте больше мяса!»), она улыбается собственному чулку на ноге... (19).

В этом случае ПК, воспроизводя буквально фрагмент референтной ситуации, становится иконическим знаком, в силу чего контраст между ОК и ПК укрепляется, что особенно касается тех случаев, когда ОК представляет описание предметного ряда, бытовой ситуации. Такой контраст менее ощутим во фрагментах, где ОК сообщает о речевом событии:

Француженка под муаровым зонтиком с давно неслыханной любезностью делилась своими опасениями (*поезд опоздает часа на два, а то и совсем не придет*) с Браунингом, которого ненавидела, а тот бил себя стеклом по краге – он не был полиглотом (163).

В целом контрастность поддерживается здесь за счет разрыва синтагмы *делилась своими опасениями с Браунингом*, что создает перебив и синтаксическое напряжение.

Иконизм особенно выразительно проявляется, когда в описание речевого поведения персонажа вклинивается ПК, передающая само это речевое поведение «буквально». Именно таким является один из эпизодов, описывающих путешествия отца Федора Константиновича:

... неслыханно свободно путешествуя по запретным местам Тибета, в непосредственной близости Лхасы, он не осмотрел ее, на что отец отвечал, что ему не хотелось пожертвовать ни одним часом охоты ради посещения еще одного вонючего городка (*one more filthy little town*) – и я так

ясно вижу, как он, должно быть, прищурился при этом (147).

Воспроизведение фразы на английском языке, как бы аутентичное, вводит дополнительную оппозиционность по параметру кода, создавая прагматический эффект истинности сообщаемого.

Внимание к отдельному компоненту описываемой референтной ситуации отражено и такими ПК, которые предоставляют его дополнительную характеристику, оценку или интерпретацию, выражают «дополнительную» предикацию. См. описание улицы, где живет главный герой: *...снабженная смоляной гладью саженой в пять шириной и пестротами, ручной работы (лестной для ног) тротуарами, она шла едва заметным наклоном* (8), где, кроме того, создается игровой эффект за счет оппозитивной семантики. Как правило, характеристики, оценки, интерпретации, содержащиеся в ПК, семантически и грамматически не вписываются в синтаксическую структуру предложения (ср. ? *лестной для ног ручной работы тротуарами*), и их включение имеет очевидный эффект неожиданности. См. также:

Он рассказывал о невероятном художественном остроумии мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изысканна для обмана случайных врагов, пернатых, чешуйчатых и прочих (малоразборчивых, да и не столь уж до бабочек лакомых), и словно придумана забавником-живописцем... (143).

4.2. Значительно менее развита в тексте «Дара» линия противопоставления ПК и ОК, когда эти конструкции соотносятся с отличными друг от друга референтными ситуациями. Ее представляют в основном два случая соотношения ПК и ОК, обусловленные функционированием «ассоциативных» и «метатекстных» ПК, различных по своему генезису.

Появление «ассоциативных» ПК связано с ситуациями воспоминаний, переживанием прошлого. Выступая в романе нарративным стимулом, они порождают ассоциативные «включения»:

Если в те дни ему пришлось бы отвечать перед каким-нибудь сверхчувственным судом (помните, как Гете говаривал, показывая тростью на звездное небо: «Вот моя совесть!»), то вряд ли бы он решился сказать, что любит ее... (229).

ПК в этом случае отображает некую референтную ситуацию, которая спонтанно актуализируется в результате ассоциативных переходов:

Перед нами небольшая книжка, озаглавленная «Стихи» (простая фрячная ливрея, ставшая за последние годы такой же обязательной, как и давние галуны – от «лунных грез» до символической латыни), содержащая около пятидесяти двенадцатистиший, посвященных целиком одной теме – детству (14). Поодаль нас ожидал открытый автомобиль, пунцовый снаружи и снаружи: идея скорости уже дала наклон его рулю (меня поймут

приморские деревья), однако общая его внешность еще хранила – из ложного приличия, что ли, – подобострастную связь с формой коляски... (33).

Синтаксически ПК воспроизводит некий усеченный и «спрессованный» фрагмент описания референтной ситуации, всплывающий в памяти. Иногда «ассоциативное происхождение» ПК получает синтаксическое оформление в виде сравнительного оборота:

Ср. ...или потому, что встряхнуло, взяв врасплох (как с балки на сеновале падают дети в податливый мрак), – освободило в нем то приятное, что уже несколько дней держалось на темном дне каждой его мысли... (11).
...и, обратившись к инженеру, вставшему и зашедшему за свой стул и убравшему его на вершок в сторону (как иной, напившись, перевернул бы на блюде стакан), она заговорила о докладе... (68).

В отличие от «ассоциативных» ПК, немногочисленных в тексте романа, «метатекстные» ПК представляют значительное варьирование и разнообразие. Это ПК, образующие контраст с ОК по оппозиции «текст – метатекст» и отражающие те или иные аспекты прагматической ситуации текстообразования. Так, относясь к плану выражения ОК, ПК передает различные нюансы текстообразования, выбор номинации, отмечая ее точность, уместность, ограниченность и др. параметры. В высказывании *Он знал, что нынче получил бы за несколько уроков*

плату, знал, что иначе придется опять в долг курить и обедать, но совершенно мирился с этим ради той деятельной лени (все тут, в этом сочетании), ради возвышенного прогула, который он себе разрешал (107) ПК представляет собой комментарий повествователя относительно выбранного способа номинации, обращая внимание адресата на точность обозначения объекта, исключающего все другие. Ср. также: *Допустимо ли, что жизнь может совершить не просто чудо, а чудо, лишённое вовсе (непрерывно так, – иначе не вынести) малейшего оттенка сверхъестественности?* (112), где синтаксическая организация ПК позволяет трактовать ее как передающую смысл уверенности повествователя в правильности выбора речевых средств: *(непрерывно так, иначе не вынести)* – это неполная синтагма, несущая элемент недосказанности, которая может трактоваться «непрерывно так надо сказать / выразиться». Во фрагменте *Он не то чтоб был мрачен или раздражителен (эти ограниченные эпитеты не вязались с его духовной осанкой), а попросту выражаясь, он не находил себе места, и Елизавета Павловна, да и дети отлично понимали, чего именно хотелось ему* (167) ПК отражает оценку повествователем выбранных предикатов характеристики *мрачен и раздражителен* как не совсем удачных.

Достаточно часто ПК отражает модальные смыслы – как эксплицитно, так и неэксплицитно. В частности, они могут касаться эпистемического состояния повествователя, который фиксирует особенности видения ситуации, свою точку зрения, обуславливающую и характер ее отражения в речи. Напр., *Позади же отряда – геодезист Куницын (так я это вижу), величавый старик, невозмутимо пространствовавший полвека, со свои*

ми инструментами в футлярах – хронометрами, буссолями, искусственным горизонтом... (151), где повествователь подчеркивает в ПК свою перспективу видения ситуации как фактор формирования ее описания. Во фрагменте *Оттуда в китайской перспективе (сверху) виднеется в глубоком ущелье прозрачная среди мрака краснота костра...* (153) перспектива отражена просто лексически. Вводный комментарий относительно «плана выражения» ПК может касаться его звукового аспекта, а именно акцентологических нюансов; ср. *У входа в оснеженный (ударение на втором слоге) сад – явление: продавец воздушных шаров* (26).

Интерес представляет случай возникновения оппозитивности по параметру «текст – метатекст» инвертированного типа. На определенном этапе повествования в романе приводится пространное письмо матери Федора Константиновича, в одно из предложений которого внедряется ПК, сообщающая о паралингвистическом действии – улыбке, «появляющейся» сквозь призму восприятия повествователя в момент написания этих строчек и тем самым выступающая компонентом прагматической ситуации эпистолярного текстообразования:

Ну а через версты три (и тут в строке письма вдруг пробивалась улыбка) он меня догнал, в облаке пыли на белом коне... (136).

Этот случай, несомненно, допускает различные толкования. Если рассматривать письмо как текст в тексте, то можно сказать, что ПК в данном случае репрезентирует метатекст относительно текста в тексте, что еще раз подтверждает комбинаторность языкового мышления писателя, отмечавшуюся критиками

склонность создавать тексты-матрешки. Если рассматривать письмо как ОК, описывающую некую референтную ситуацию, а ПК как комментирующее ее высказывание адресата-читателя, то можно сказать, что метатекст здесь принадлежит авторству читателя и относится к прагматической ситуации рецепции текста. Возможны и другие интерпретации. В любом случае подобные фрагменты «проявляют» тенденцию к стиранию границ между текстом и метатекстом, референтной ситуацией и прагматической ситуацией текстообразования, истиной и вымыслом.

Показательным в этом отношении является и следующий неоднозначный фрагмент:

...и тогда кельнер, быстро подняв указательный палец (вспомнил), скользнул к нему и со звоном поставил тарелку на поддельный мрамор (412).

В нем ПК отображает и называет смысл, т.е. семантическую составляющую паралингвистического действия, описываемого в ОК. Возможна, однако, и другая интерпретация, когда сочетание ОК и ПК «прочитывается» как текст на языке паравербальных жестов и его перевод средствами естественного языка другого языка.

5. Завершая краткий обзор синтаксической стилистики «Дара», обусловленной использованием парентезы, отметим, что текст романа обнаруживает необычайную стилистическую изобретательность Набокова, его развитое комбинаторное мышление, столь естественное для шахматиста. Рассмотренный срез набоковского синтаксиса представляет собой лишь один из элементов писатель-

ской техники, которую Владислав Ходасевич характеризовал, используя точное и емкое словосочетание «несдержанная виртуозность» (Классик... 2000: 155). Вместе с тем он явственно указывает и на культурный контекст, питавший творчество его автора, а именно атмосферу эстетических исканий русской культуры в период становления и развития формализма, в рамках которого была осознана интенция воспроизводства новизны и противодействия автоматизации восприятия как основной вектор текстообразующей деятельности автора художественного произведения. На роль концептов, идей, основных технологических понятий формализма и их преломление в «Даре» и его сюжетных линиях уже указывалось в литературоведении (Паперно 1997). Напомним, что в дискурсе русской художественной культуры начала XX века важнейшей составляющей стал сегмент, нацеленный на деконструкцию художественных текстов как коммуникативных произведений, формирующую технологическое отношение к ним, на рефлексию, интерес к изучению и моделированию художественного восприятия и в целом рецептивной деятельности при взаимодействии с художественным произведением любой природы (Хансен-Леви 2001). Эти искания были отражены как в манифестах и программных текстах различных направлений, так и аналитических работах исследователей природы художественной деятельности, в том числе и рецепции художественного текста – В. Шкловского, Р. Якобсона, А. Крученых, Б. Эйхенбаума, В. Каменского, Н. Харджиева, С. Эйзенштейна, К. Малевича, Ю. Тынянова и др., которые и сами были авторами художественных произведений. И если для представителей русского формализма

проблема деавтоматизации связывалась по преимуществу со словесным творчеством, выработкой техники для создания инноваций в сфере номинативной деятельности (Хансен-Леви 2001: 92–164) и в целом касалась фонологического и лексико-семантического уровней языка, то стилистика Набокова демонстрирует опыт перенесения подобных творческих установок в сферу синтаксиса предложения и прагматики. Благодаря приему введения парентетической конструкции,

создающей оппозитивность на стыке грамматики, семантики и пунктуации, его неустанному использованию в тексте «Дара» и виртуозной технике владения им формируется внутритекстовый механизм генерирования новизны и деавтоматизации восприятия. Тем самым на уровне синтаксиса предложения этот прием вносит вклад в процессы дополнительного смыслообразования, порождающие в свою очередь различные векторы литературоведческих интерпретаций.

307

summary

[TATYANA V. RADZIEVSKAYA]

On one Syntax Development Tendency in Fiction Prose: Parenthetical Component in V. Nabokov's Novel "The Gift"

The paper deals with the role of a parenthetical component in the text of Vladimir Nabokov's novel "The Gift" (1937) which is considered a master-piece of his Russian-language period. The term "parenthetical component" covers in the study of the writer's syntax all inserted constructions like sentences, clauses, phrases, some words given in brackets. The insertion of a parenthetical construction in the main part of a sentence forms a compound syntactical unit and creates an additional semantic relation between its two parts. A high frequency and a large number of such parenthetical constructions in the text examined give us reason to suppose that their usage represents a stylistic device to produce a special effect based on structuring a sentence and inserting a substructure within its scope marked by some additional relations.

Analysing the syntactic techniques based on the usage of parenthetical constructions we take into account referential function of both inserted part of a sentence and its main part. An analysis of the novel narrative shows a variety of opposite relations between a parenthetical construction and a main one forming an esthetic effect which depends on syntactic form, semantics and localization of a parenthetical construction in a syntactic structure on the whole. It also reveals the combinatorial ability of writer's linguistic consciousness and the cultural background of Russian formalism esthetics.

Литература:

- Апресян 1995: **Апресян Ю. Д.** Роман «Дар» в космосе Владимира Набокова // **Апресян Ю. Д.** Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. – Т.2. – М.: Школа «Языки русской культуры». – С. 651–694.

2012

ТАТЬЯНА В. РАДЗИЕВСКАЯ

308

- Бло 2000: **Бло Ж.** Набоков. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц». – 239 с.
- Дмитровская 2008: **Дмитровская М. А.** REAL/LIAR (разрешение «парадокса лжеца» в эстетико-художественной системе В. Набокова-Сирина) // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик». – С. 264–271.
- Классик... 2000: **Классик без ретуши.** Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н. Г. Мельникова. Сост., подгот. текста Н. Г. Мельникова, О. А. Коростелева. – М.: Новое литературное обозрение. – 688 с.
- Левин 1998: **Левин Ю. И.** О «Даре» // Ю. И. Левин. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: «Языки русской культуры». – С. 287–322.
- Падучева 1996: **Падучева Е. В.** Рассказ Набокова «Набор» как эксперимент над повествовательной нормой // Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры». – С. 385–393.
- Паперно 1997: **Паперно И.** Как сделан «Дар» Набокова // В. В. Набоков: *Pro et Contra*. – Т.1. – СПб.: Издательство русского христианского гуманитарного института. – С. 491–513.
- Хансен-Леве 2001: **Хансен-Леве О. А.** Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. – М.: Языки русской культуры. – 672 с.
- Щерба 1974: **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград: Наука. – 427 с.
- Pons Bordería, Estellés Arguedas 2009: **Pons Bordería S., Estellés Arguedas M.** Expressing digression linguistically: Do digressive markers exist? // *Journal of Pragmatics*, № 35, v.41. – P. 921–936.